

Герман Власов

Музыка по проводам

ИП «Центр современной литературы»

Власов Г.

Музыка по проводам / Г. Власов — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-030-3

Выпуская «Музыку по проводам» Германа Власова, «Русский Гулливер» обращается к традиционным авторам, к тем, кто осмелился писать стихи, которые волнуют, вместо стихов, за которые хвалят. На фоне «нейтральной культуры» появление таких книг несомненно должно быть замечено читателем, несмотря на утрату общих критериев в критике и безразличие экспертного сообщества к тому, что, на наш взгляд, бесспорно. Поэтика Власова органична, хаос существования преодолен, стиль находится в постоянном становлении, хотя его волевые черты, эмоциональная насыщенность и музыкальность узнаваемы с первых строк, что позволяет говорить о сформировавшемся «голосе поэта».

ISBN 978-5-91627-030-3

© Власов Г.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

об авторе	5
Сон простого человека	6
1	8
«блочный дом многоэтажный...»	8
«из стеклянного горла боржом...»	9
«отрывной календарь иждивенец...»	10
«вот котлован где сад нам обещали...»	11
2	12
«Как сад стремительно ветшает...»	12
Beaujolais Nouveau	13
«Живёшь навзрыд, а плачешься втихую...»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Герман Власов

Музыка по проводам

об авторе

Герман Власов родился в Москве. Закончил филологический факультет МГУ. Работает переводчиком. Стихи печатались в журналах «Знамя», «Континент», «Волга», «Новый Берег», «Крещатик», «Дети Ра» и др. Автор поэтических сборников «1 1/2» (М.: Культурный фонд, 1998), «Второе утро» (М.: Эра, 2003), «Просто лирика» (М.: Из-во Руслана Элинина, 2006), с которой вошел в шорт-лист Бунинской премии. Дипломант Международного литературного Волошинского конкурса (2007).

В новой книге собраны стихотворения последних лет.

Сон простого человека

Нет ничего важнее смелости. Поэт – беспечный дуэлянт, поплевывающий вишневыми косточками под пистолетом судьбы. Стих – яблоко Вильгельма Телля, слушающее веселый посвист времени.

«Вкус березовый голос любимый / леденцовое сердце в груди...»

Конечно, так может сказать только поэт. Не подражатель в краденном пиджачке на плечах, не растерявшийся, сбитый с толку модернист, мечущийся очумелым зайцем по кочкам современности, – а человек, услышавший однажды свою ноту и пошедший за ней, увидевший сон и поверивший ему.

Я не знаю, как назвать то лирическое направление, к которому можно отнести стихи Германа Власова, но это, безусловно, катакомбная поэзия, своего рода «христианство» (то есть самоограничение) в мире языческой экспансии вещей и страстей.

... живи, спасайся понемногу,
расти детей, люби цветы
и, убоившись наготы,
покрой главу, ревнуя к Богу, —
не обещай, что будешь весь
в отеческих ладонях взвешен, —
но отметаи юдоли лести,
и приноси, как смирну, весть
сирени, яблони, черешен.

Чувствительность, растроганность, умиление свойственны этим стихам. Инстинктивное желание спрятаться от мира в мире простых вещей – чашек, ледышек, словарей, цветка в стакане, воробьиного пуха. Притяжение по родству – к «ветхой простоте» Светланы Кековой, к жалостливым ангелам Венечки Ерофеева. Важная роль форточки, как средства сообщения с наружным миром (как тут не вспомнить Пастернака – «в кашине, ладонью заслоняясь»).

Детскость этого «леденцового сердца» – детский испуг, «детская веселость», поля «в детской зеленке». «Все большое далёко развеять, из глубокой печали восстать...» (Мандельштам).

Готовность склониться в чужую тень, приступы одиночества.

Утешит человека
Не божия, но женская рука.

Поиски необходимой сердцу идиллии, вечная надежда обрести ее в природе.

Зимой зябнуть, летом ворковать.
Под яблоней себе стелить кровать,
и облака считать на небе синем.
Чем мы не птицы, чем не сизари?

Напуганный взгляд поэта, отмечающий в деревне – шарик, отвинченный с эмалированной кровати, по-жабы раскрытый кошелек, гладкость ландышевого листа, на помин-

ках – «шатающиеся чужие стулья». Гармония, достигаемая в соединении будничных вещей, – и не только в защищенном микрокосмосе комнаты, но и, например, в хаосе лужковской Москвы.

На родине носят пальто и платки,
в растроганном небе волос завитки,
глаза, полудетские губы,
на родине дальней и грубой.
Ещё назиданья, сугробы и псы,
унылые зданья и звуки попсы
Германии или Ямайки,
а рядом – рука попрошайки.
Весна и в ресницах кошачьих ветла,
затёртая книжка, округлость стола,
страница, отмечено красным.
А в форточке – влажно и ясно.
Гуляют ручьи, растворяется страх,
прозрачные руки берут за рукав,
за хлястик и в спину толкают.
Наверно, погода такая,
что я, как блаженный, сощурысь хитро,
иду на пустырь, где копают метро,
и пахнет родною и дикой,
прозрачной ещё Эвридикой.

Таковы некоторые черты этой поэтики – в чем-то весьма старомодной (несмотря на отсутствующую во многих стихах пунктуацию), в чем-то метасовременной – то есть перешедшей моду, ушедшей дальше. Может быть, именно туда и пролег путь современной души – не к бешеным центрифугам успеха и гордыни, испытывающим ее на разрыв, а к соседнему скверу, где нас снова ждет на скамейке бедная Лиза?

Г. Кружков

1

«БЛОЧНЫЙ ДОМ МНОГОЭТАЖНЫЙ...»

блочный дом многоэтажный
вечер в снежной мошкаре
он идёт походкой важной
тянутся за ним тире
после стольких послевкусий
несерьёзных разных драм
веришь Господи Иисусе
в музыку по проводам
с жизнью свыкшись на Голгофе
трёшь забывчиво ладонь
и дарёный ставишь кофе
на сиреневый огонь
холодом спинным нечастым
оттого что снег идёт
посещает его счастье
счастье за душу берёт

«из стеклянного горла боржом...»

из стеклянного горла боржом
было душно и рамы гнилые
вновь запахла воскресным дождём
и жильцов отселённых немые
догоняли шаги за плечо
робко трогали шёпот в затылок
жаркий вечер где быт увлечён
хрипотой граммофонных пластинок
дольше музыки песня плыла
раскрывались коробки и розы
но сбивалась от польки игла
и душили участия слёзы
и стояла за этой спиной
за другой ли в проёме у двери
тишина с прямою земляной
в краткосрочное счастье не веря
повторений искала она
и нарочно игла оступалась
а до кромки великого сна
оставалось ещё оставалось

«отрывной календарь иждивенец...»

Вен. Ерофееву

отрывной календарь иждивенец
заучил от зимы до зимы
чтобы смог утешительно немец
обозначить указкой холмы
перелески плакучие ивы
да пакгауз некрашен и ржав
что глядишь за окошко пугливо
чемоданчик картонный прижав
высыхает слеза комсомолки
веселит ханаанский бальзам
а в прокуренном тамбуре волки
знай выводят своё аз воздам
всё смешалось в ночную крушину
звёзд рубины сорвались с орбит
и козловского голос машинный
имя станции проговорит
имя музыки перьев ли пальцев
крошки белой на восемь вершков
спите ангелы не просыпайтесь
до последних моих петушков

«ВОТ КОТЛОВАН ГДЕ САД НАМ ОБЕЩАЛИ...»

вот котлован где сад нам обещали
где мы слонялись с личными вещами
вдыхали ши чужие креозот
O2
устав
азот
есть разница дышать где этой смесью
дневальный тумбочка записки из предместья
подполья то есть даром путь домой
лети петит немой
запальчивы и молоды мы были
уже влюблялись и ещё любили
весны руины чудо задарма
одна игра ума
сегодня стали злей и веселее
крути шарманщик ручку лотереи
холст движется аляповат эдем
где нет меня совсем

2

«Как сад стремительно ветшает...»

Р. Светловой

Как сад стремительно ветшает,
как тучи серые спешат,
как мыши полевые шарят
по даче с выводком мышат
озябших, неуёмных, сырых.
Как жалко ставить под комод
подобье гильотины с сыром.
А может, к вечеру возьмёт
и распогодится? И ясной
проступит запад полосой,
и солнце сентября, что ястреб,
на окна бросит взгляд косой.
И бабье лето будет длиться —
как женщина, отъезда блажь
забудет и на половицы
поставит собранный багаж.
И две, а то и три недели —
живи, не разнимая рук.
Но ветер гнёт в коленях ели.
И дождь, и плачет всё вокруг.

Beaujolais Nouveau

Умнее осень суеты:
вино и груши – не цветы
обрадуют порой угрюмой,
когда, несвежи, нечисты,
срываются, летят листы
и падают. Достань из трюма
холодного на кухне сей
вина, дождись своих гостей
иль музы ветреной прихода —
гораздо ближе новый год
и светочи иных высот
в сырую, тусклую погоду
нелепым улыбнутся нам,
растерянным по временам.
Наутро про тебя расскажут,
что с музой пил на брудершафт,
что видел музыки ландшафт,
что, может, был поэтом даже...

«Живёшь навзрыд, а плачешься втихую...»

Живёшь навзрыд, а плачешься втихую.
Как раскусить гармонию такую...
снаружи август, а внутри тоска
незримо зреет ядрышком ореха,
прорехой вечности. Утешит человека
не божия, но женская рука.
Пройдёт по волосам, обманет снова,
но различима осени основа:
сгоревший дом, а через крышу храм
побеленный. И всякий пьян и молод,
и строится в потёмках старый город,
и нищета гуляет по дворам.
А где-то есть гармония на свете,
шаги в густом, медовом этом лете, —
и красота доступная проста.
Паук плетёт из живота седую
раздвоенную прядь, и ветер дует
глухие ноты с чистого листа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.